

RU

**«Рыжий» И. Талькова:
когнитивные механизмы преодоления негативной самоидентификации**

Иванов Д. И., Дэн Ин

Аннотация. Цель исследования - описать раннюю самоидентификационную модель когнитивно-прагматической программы (КПП) И. Талькова. Научная новизна состоит в том, что в работе впервые исследовано творчество И. Талькова в ракурсе современной когнитивной теории. Полученные результаты: на примере композиции «Рыжий» показаны когнитивные механизмы преодоления негативной самоидентификации. Осознав тупиковость навязанного программного стереотипа восприятия (ПСВ), лирический герой переосмысляет сущность когнитивного блока (КБ). С помощью внепрограммных действий он ставит на первое место не «другого» (носителя ПСВ), а собственное «я», находящее себя в творчестве и спорте. Это становится основой новой самоидентификационной стратегии.

EN

**“Ginger” by I. Talkov:
Cognitive Mechanisms to Overcome Negative Self-Identification**

Ivanov D. I., Deng Ying

Abstract. The paper aims to describe the initial self-identification model of I. Talkov’s cognitive-pragmatic program. Scientific originality of the study lies in the fact that I. Talkov’s creative work is for the first time analysed through the lens of the modern cognitive theory. The research findings are as follows: by the example of the song “Ginger”, the authors reveal the cognitive mechanisms to overcome negative self-identification. Having recognized inadequacy of programmed stereotyped perception, the lyrical hero reinterpreted the cognitive block content. Applying programmed actions, he shifts emphasis from “the Other” (bearer of the imposed stereotype) to His Own Self realized through creativity and sport. It becomes a basis of a renewed self-identification strategy.

Введение

В поле современных междисциплинарных исследований существует значительное разнообразие подходов и моделей, продуктивно соединяющих – теоретически и практически – текст, музыку, язык и культуру [1; 2; 8; 9]; всё большую значимость как фундаментальная характеристика любой культурной деятельности приобретает когнитивно-дискурсивный план исследований [1; 10; 11; 14]. Авторский теоретико-методологический комплекс, успешно прошедший проверку при изучении рок-культуры, кинотекста, художественной литературы [4; 5], является развитием такого – синтетического и когнитивно-дискурсивного – понимания явлений культуры и языка. Наше исследование позволит показать когнитивный механизм преодоления негативной самоидентификации в ранней модели когнитивно-прагматической программы (КПП, авторское понятие) И. Талькова на примере ключевой в этом плане композиции «Рыжий».

КПП – «опорная система когнитивно-прагматических установок (КПУ). <...> Концепция КПП... исходит из целенаправленной “программируемости” любой содержательной человеческой деятельности, которую можно семиотически прочесть как текст» [5, с. 49]. КПП неразрывно связывает между собой личность художника, его синтетический текст, механизмы его (авто)восприятия/интерпретации и поэтому с необходимостью включает в себя сквозной самоидентификационный план: художник непрерывно строит свою самоидентификационную модель и – осознанно или неосознанно – исходит из нее. На этом сложном пути нередко возникает «когнитивный блок» (КБ, авторский термин) – глубинное «целевое» противоречие, ведущее к нарастанию самоидентификационных проблем, тупику или движению по кругу. Потому так велика значимость проблемы когнитивного блока для становления творца и его художественного мира [3].

Предметом исследования является композиция И. Талькова «Рыжий», не изученная в когнитивно-прагматическом плане, но чрезвычайно значимая для иллюстрации сложности процессов самоидентификации художника. Всё это обеспечивает актуальность нашего исследования.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) обрисовать сущность деструктивного тупика самоидентификации, основанного на принятии статуса «рыжий»; 2) охарактеризовать механизм переосмысления КБ, нейтрализующий его деструктивность; 3) описать суть новой конструктивной самоидентификационной стратегии И. Талькова.

Для решения представленных задач применяются следующие методы исследования: а) метод концептуально-смыслового и дискурсивного анализа; б) метод моделирования когнитивно-прагматических программ (задача 1); в) метод когнитивно-коммуникативного анализа системы субъектных модальностей (субъект-источник – субъект-интерпретатор); г) методика концептуально-аксиологической интерпретации программного стереотипа восприятия (задача 2, 3).

Теоретическую базу исследования составляют: 1) междисциплинарные исследования [6; 7; 10; 11; 14], многовариантно объединяющие когнитивные, семиотические, лингвистические, культурно-языковые аспекты анализа сознания креативного субъекта; 2) работы на материале отечественной рок-культуры, содержащие важнейшие «синтезирующие» положения [1; 2; 8; 9; 12]; 3) детально разработанная авторская метадисциплинарная методология, выступающая как современная когнитивная семиотика личности/текста/дискурса [3-5].

Практическая значимость работы заключается в инновационном когнитивно-дискурсивном анализе творчества популярного поэта-песенника, сыгравшего значительную роль в самоосмыслении отечественной массовой культуры на рубеже 1980-1990-х годов, но крайне мало изученного. Результаты исследования будут востребованы в рамках разработки спецкурсов по изучению русской песенной поэзии конца XX века и лингвокультурологическому, социокогнитивному анализу поэтических и синтетических текстов современной культуры.

Деструктивный тупик самоидентификации в композиции «Рыжий» (1985)

Самоидентификация – важнейший этап становления человека и художника, и в этом смысле чрезвычайно показательна композиция «Рыжий» (1985), наглядно демонстрирующая когнитивные механизмы формирования независимой творческой личности. Исходная ситуация – герой-поэт с детства ощущает себя объектом стереотипно-деструктивного восприятия со стороны сверстников (маленький рост, рыжий цвет волос, веснушки и пр.). Так название композиции становится концептуальной формулой всего текста и отражает глобальную для личности проблему, порождающую два разнонаправленных когнитивно-ментальных процесса: а) процесс когнитивной блокировки сознания; б) процесс поиска путей преодоления этого блока.

Когнитивный блок (КБ) активизируется при попытке преодолеть негативность самоидентификации как «рыжего» без верного понимания сути проблемы. Дело в том, что навязанный объекту дискриминации концептуально-смысловой маркер «рыжий» – это программный стереотип восприятия (ПСВ), который тяготит героя-поэта, но одновременно воспринимается им как свой истинный статус (важно то, что я «рыжий» в глазах «другого», я «рыжий» потому, что все так считают). Деструктивное отрицание и самоотрицание не принадлежат носителю ПСВ, а только ему приписываются, что направляет самоидентификацию на ложный путь. Обезличенная маркировка, производимая носителем ПСВ, превращается в инструмент симуляции когнитивно-ментального статуса человека – это касается и носителя ПСВ, и объекта дискриминации, так как искажает основания самоидентификации обоих.

Объект дискриминации («рыжий»), следуя аффективной логике стереотипа, пытается изменить свой статус, однако эти попытки нельзя назвать конструктивными. Так, отрицание носителя ПСВ/стереотипа в целом, обида, несогласие (««Рыжий», – только и слышал / Я со всех сторон / И очень был обижен. «Рыжий» – ни много ни мало, / Это слово меня возмущало / И жить не давало» [13, с. 148]) базируются изначально на признании себя «рыжим» как неполноценным (самоидентификация исходит из логики ПСВ). То же можно сказать и о другой операции – попытке защитить себя от агрессии носителей ПСВ / самого стереотипа («Как назло, в то время модной стала / Песенка про рыжий гриб... Я писал письмо в газету / С критикой на песню эту / И с досады под машинку / Голову остриг» [Там же, с. 149]).

«Реализация» этих псевдоконструктивных операций приводит не к освобождению сознания от деструктивно-симулятивного воздействия ПСВ, а к формированию в его структуре когнитивного блока. В итоге объект стереотипизации (первый симулятивный статус поэта) становится объектом блокировки (второй симулятивный статус поэта). Причем обе операции в его сознании связаны с реализацией самоидентификационных стратегий: первую можно назвать «стратегией тотального отрицания» (я – «рыжий» – я не принимаю себя / самоотрицание / отождествление себя с другим); я не принимаю других (другой – носитель ПСВ); я отрицаю себя / я отрицаю других); вторую – «стратегией защиты (сдерживания внешней агрессии)» (я – «рыжий» – меня не принимают другие (носители ПСВ); я не принимаю агрессию других, но их не отрицаю; я пытаюсь принять себя, но не для себя, а для других (носителей ПСВ)).

В обоих случаях герой-поэт попадает в ситуацию симулятивного выбора, не различая к тому же, должен он разрушить только КБ или КПП-ПСВ целиком. Пытаясь защитить себя, он защищает (воспроизводит) саму программу (Стратегия 2). Если же в качестве ключевого объекта противостояния поэт выбирает КБ, то базовым компонентом самоидентификационной стратегии автоматически становится тотальное отрицание

(Стратегия 1). Но разрушить защитный механизм программы с помощью псевдоконструктивного отрицания и самоотрицания (т.е. самой КПП-ПСВ) невозможно.

Осознание несостоятельности обеих стратегий заставляет И. Талькова поставить под сомнение конструктивность и продуктивность навязанного ему программой принципа двойного (одновременного) противостояния. Новая самоидентификационная стратегия преодоления должна быть направлена только на один объект противостояния. Однако для решения этой задачи И. Талькову необходимо будет кардинально переосмыслить специфику взаимодействия ПСВ-КПП и КБ.

Переосмысление природы КБ и нейтрализация его деструктивной активности

В композиции «Рыжий» процесс этого переосмысления фиксируется так: «Думал, думал, что мне делать, / Чтоб беду преодолеть». Под «бедой» здесь понимается не только сам факт когнитивной блокировки сознания, но и невозможность точного определения: а) истинного объекта противостояния; б) специфики внутренних механизмов взаимодействия (ПСВ-КПП/КБ).

В результате проведения этой аналитической операции субъект осознает, что ПСВ-КПП взаимосвязаны между собой, но наличие связи не определяет их тождественности. Программа может одновременно производить несколько КБ, каждый из которых обладает собственной внутренней защитой. В момент осуществления процесса когнитивной блокировки сознания активизируется не сама программа, а прежде всего ее защитный механизм. Это позволяет И. Талькову произвести операцию повторной конструктивной идентификации объектов противостояния. Ему удается определить, что истинным объектом противостояния в момент блокировки его сознания является сам КБ, а не программа в целом. Соответственно, стратегия преодоления когнитивного блока должна быть ориентирована прежде всего на нейтрализацию деструктивной активности КБ.

Первоначально КБ прочитывался объектом стереотипизации как целостная система деструктивных импульсов: импульс 1 – отрицание (источник импульса ПСВ-КПП); импульс 2 – тотальное самоотчуждение за счет отождествления объекта стереотипизации и «другого» (носителя ПСВ). Теперь ситуация меняется. Деструктивный импульс, исходящий от ПСВ-КПП, не может проникнуть в структуру КБ. Факт того, что субъект воспринимает их как условно самостоятельные единицы, активизирует процесс внутренней блокировки и переориентации исходящего от ПСВ-КПП импульса. Дистанция между ПСВ-КПП и КБ снижает уровень симулятивно-манипулятивного воздействия на объект стереотипизации (субъекта блокировки).

В этих условиях импульс «отрицание» либо полностью нейтрализуется, либо перенаправляется обратно в зону ПСВ-КПП, где растворяется в пространстве ослабленной программы. Всё это позволяет объекту стереотипизации понять истинную природу КБ, ведь защита программы (КБ) строится прежде всего на симулятивном псевдоубеждении: «ты – это другой», и всё, что ты «делаешь» (любое псевдоконструктивное действие, якобы направленное на «разрушение» блока), принадлежит «другому» и совершается не ради тебя (объект стереотипизации), а ради него (носителя ПСВ).

Субъект блокировки может частично нейтрализовать процесс «самоотрицания» и сконцентрироваться непосредственно на преодолении КБ. Объект стереотипизации теперь воспринимает «освобожденный» от ПСВ-КПП, а потому ослабленный КБ не как нечто разрушительное, а как некий защитный механизм, дистанцированный от ПСВ-КПП, что делает возможной операцию его когнитивно-ментальной перекодировки. Так защитный механизм программы превращается в механизм преодоления КБ.

Для этой перекодировки И. Тальков использует принцип «исключения-замещения доминирующего компонента», роль которого выполняет «другой». Чтобы перевести условно периферическое «я» в статус доминирующего компонента, объекту стереотипизации (субъекту блокировки) необходимо совершить *самостоятельное, отчужденное от программы, волевое результативное действие*. Именно этот путь и выбирает И. Тальков. Он совершает целый ряд волевых (внепрограммных) действий, которые позволяют ему провести операцию перекодировки защитного механизма программы и превратить его в новую самоидентификационную модель преодоления КБ. Вот как об этом пишет сам поэт: «Думал, думал, что мне делать, / Чтоб беду преодолеть, / И купил гитару и гантели, / Стал стихи писать и петь. / Регулярно распевался, / Физзарядкой занимался / И в зеркала на себя решил не смотреть. / Ну что в них смотреть?!» [Там же].

Назовем эти внепрограммные действия: а) «купил гитару»; б) «стал писать стихи»; в) «стал петь»; г) «купил гантели»; д) «стал заниматься физзарядкой»; е) «перестал смотреть на себя в зеркало». Они представляют собой единую целостную систему и направлены прежде всего на формирование комплекса базовых когнитивно-ментальных установок поэта, определяющих специфику процесса его самоидентификации: «Я тот, кто я есть – Я сам решаю, кем мне быть – Я могу стать тем, кем захочу (Я обладаю богатым внутренним потенциалом) – Я должен реализовать свой потенциал (самореализация, самовыражение) – Я принимаю себя таким, какой я есть».

На наш взгляд, все действия поэта можно разделить на три взаимодействующие между собой группы.

Первая группа – действия, направленные на формально-материальную актуализацию процесса самоопределения (первый этап «принятия себя»): «купил гитару»; «купил гантели». «Купил» здесь означает сделал выбор, принял осознанное решение начать действовать самостоятельно. Концептуально-смысловые коды (маркеры) «гитара» и «гантели» обозначают основные направления, в которых будет проходить социокогнитивная самореализация героя-поэта: музыкально-поэтическое творчество и спорт.

Содержание актуализированных на этом этапе действий можно представить в виде моделей самоопределения поэта. Первая модель: *действие* – «купил гитару»; *содержание действия* – «я принял решение, что буду заниматься творчеством» (духовно-нравственное развитие). Вторая модель: *действие* – «купил гантели»; *содержание действия* – «я решил, что буду заниматься спортом» (физическое развитие).

Вторая группа – действия, направленные на актуализацию процесса самореализации, самовыражения (второй этап «принятия себя»): «стал стихи писать»; «регулярно распевался»; «физзарядкой занимался». Эти действия конструктивны и результативны, к тому же носят не временный, а постоянный характер. Теперь это уже не «одноразовые» рефлекторно-автоматизированные реакции человека-механизма. Стремление к самореализации становится одной из ключевых потребностей ищущего свой путь живого человека, поэтому самореализационные действия производятся И. Тальковым регулярно («регулярно распевался»). В результате музыка, поэзия и спорт далее становятся неотъемлемыми составляющими жизни: «Хоккей, футбол, / Спидвей, гандбол – / Мне не прожить без вас и дня. / Бобслей, слалом – / Спасибо вам / За то, что вы спасли меня. / (От смерти)» [Там же, с. 242].

Факт многократной повторяемости действий в данном контексте имеет принципиальное значение: речь идет о постепенном переходе от стихийного самовыражения к осознанному самосовершенствованию. Это закономерно приводит к трансформации общей модели стратегии самореализации И. Талькова. Обновленный вариант этих моделей можно представить так. Первая модель (*творчество*): «Если я решил заниматься творчеством (музыкой, поэзией), то я должен подходить к этому серьезно (быть требовательным к себе, постоянно учиться, совершенствовать свои умения и навыки)». Вторая модель (*спорт*): «Если я решил заниматься спортом, то я не должен пропускать тренировок, я должен постоянно совершенствовать свое мастерство» (И. Тальков профессионально занимался карате).

Стремление поэта к постоянному самосовершенствованию, которое отныне становится ключевым компонентом его стратегии самореализации, позволяет И. Талькову перейти от стадии совершения самостоятельного действия к стадии оценки качества реализации этого действия. Концентрация поэта на оценке своего действия не только существенно повышает волевой потенциал его личности, но и помогает произвести корректировку собственной самооценки. В сознании поэта действие и образ его «сущностного я» отождествляются: «я – это действие, которое я совершаю» – «действие, которое я совершаю – это я». Причем этот принцип должен работать постоянно. Только в таком случае операция «принятия себя» может быть реализована. Если же целостность данной системы по тем или иным причинам нейтрализуется (разрушается), то операция «принятия себя» становится невозможной.

Третья группа – действия, направленные на подтверждение/отрицание актуальности принципа: «я – это совершенное мною действие, которое для меня является качественным» (заключительный этап «принятия себя»). Таким «резюмирующим» действием в данном контексте становится концептуальный код «не смотреть» («И в зеркала на себя решил не смотреть. / Ну что в них смотреть?!»). Актуализация этого действия как резюмирующего позволяет говорить о том, что операция «принятия себя» состоялась.

Все эти действия соответствуют содержанию «сущностного я» поэта. Его самооценка больше не зависит от зеркального отражения. Отрицание, которое встроено в структуру концептуально-смыслового значения резюмирующего действия (отрицательная частица «не»), превращается в конструктивный инструмент когнитивно-ментальной защиты сознания поэта. Это еще одно результативное действие, реализованное по принципу «я – это совершенное мною действие». При этом сам И. Тальков дает ему позитивную оценку. Отрицая искусственно созданный ПСВ-КПП симулятивно-стереотипизированный образ себя, он возвращается к себе («принимает себя»). Доминирующим компонентом уже его собственного защитного механизма становится не «другой» (носитель ПСВ), а он сам («сущностное я» поэта).

Однако сам факт создания своего защитного механизма не приводит к нейтрализации КБ. Процесс его преодоления продолжается. Теперь поэт приступает к моделированию третьего варианта самоидентификационной стратегии преодоления КБ.

Самоидентификационная стратегия 3 – «Принятие себя для себя»

Условно ее можно назвать стратегией «принятия себя для себя». Общая модель этой стратегии в контексте преодоления КБ «Рыжий» выглядит так: 1) «я “рыжий” – я пытаюсь принять себя таким, какой я есть; 2) я дистанцируюсь от других (носителей ПСВ); 3) я обращаюсь к своему “сущностному я” – активизирую свой волевой и аналитический потенциал; 4) я совершаю комплекс самостоятельных конструктивно-результативных действий; 5) я стремлюсь к самосовершенствованию не для других (одобрение носителей ПСВ перестает быть базовой потребностью); 6) я принимаю себя не для других, а для себя». Основными когнитивно-ментальными инструментами реализации этой стратегии являются: активизация волевых и аналитических интенций личности; стремление к самоопределению, самовыражению, самореализации, самосовершенствованию; конструктивная самоизоляция (дистанцирование от деструктивно-симулятивного влияния носителей ПСВ).

С помощью этой стратегии поэту удается не только нейтрализовать деструктивно-симулятивное воздействие КБ, но и полностью освободить свое сознание от источника стереотипизации (ПСВ-КПП). Результаты можно условно разделить на два взаимодействующих между собой блока: а) результаты нейтрализации КБ «Рыжий»; б) результаты нейтрализации источника когнитивной блокировки сознания (ПСВ-КПП).

Первый блок – результаты нейтрализации КБ «Рыжий». Он состоит из двух частей: а) результативно-аналитической; б) резюмирующей. В первой части И. Тальков последовательно описывает те внешние и внутренние изменения, которые произошли с ним после того, как была реализована конструктивная модель его самоидентификационной стратегии. Результативно-аналитическая часть выглядит так: «Самым-самым популярным / Стал в своем дворе, / Стали мне завидовать ребята / И девчонки – вслед смотреть. / Солнце в небе – улыбалось, / Жизнь прекрасною казалась, / Ну все-таки как хорошо иногда / Уметь петь» [Там же, с. 149].

После «принятия себя» кардинально меняется когнитивно-ментальный статус поэта. Если раньше он был «изгоем», объектом насмешек, непринятия и отрицания со стороны носителей ПСВ (сверстников, одноклассников и т.д.), то теперь он стал «самым популярным в своем дворе». Кардинально меняется его модель восприятия мира («солнце в небе – улыбалось») и жизни («жизнь прекрасною казалась»). Если раньше поэт воспринимал мир, свою жизнь и жизнь в целом как предельно агрессивное пространство отчуждения/самоотчуждения, то теперь он понимает, что всегда был и будет частью прекрасного мира, наполненного конструктивными смыслами. Мир-жизнь и поэт гармонично дополняют друг друга, и первый становится для второго основным источником вдохновения, радости, добра и жизненных сил. Ведь, как только человек «принимает себя», он обретает возможность принять и мир, в котором живет, а сам процесс «принятия себя» органично связан с механизмом духовно-нравственного самосовершенствования. «Принятие» есть форма конструктивного изменения себя.

Основной когнитивно-ментальной зоной самореализации постепенно становится «творчество» (музыка, поэзия). Творчество – это судьба И. Талькова, главный источник жизненных сил и его «спасательный круг» (см. одноименную композицию [Там же, с. 121]). Не случайно в финальных строках результативно-аналитической части текста И. Тальков еще раз акцентирует наше внимание на специфическом творческом действии «умение петь»: «Ну все-таки как хорошо иногда / Уметь петь». «Умение петь» в данном контексте – это своеобразный синтетический когнитивно-ментальный код. В нем сконцентрирован весь творческий (духовно-нравственный) потенциал личности И. Талькова, реализовав который он смог добиться поставленных перед собой целей и нейтрализовать процесс когнитивной блокировки своего сознания.

В резюмирующей части первого блока результативной зоны текста поэт фиксирует ситуацию полного преодоления КБ «Рыжий». **«До» преодоления КБ:** ««Рыжий», – только и слышал / Я со всех сторон / И очень был обижен. / «Рыжий» – ни много ни мало, / Это слово меня возмущало / И жить не давало» [Там же, с. 149]. **«После» преодоления КБ:** ««Рыжий», – больше не слышал / Я со всех сторон, / И жить мне легче стало, / «Рыжий» – ни много ни мало / Это слово меня не смущало / И жить не мешало» [Там же, с. 150].

Поэт практически дословно воспроизводит (копирует) «негативный» вариант строфы, в котором фиксируется факт когнитивной блокировки его сознания. При этом изменению подлежат только ключевые аксиологические маркеры. В результате проведения операции аксиологической перемаркировки (негативный маркер меняется на позитивный) перед нами возникает несколько противоположных пар оценочных маркеров. Первая пара – «Рыжий», – *только и слышал* (маркер «–») – «Рыжий», – *больше не слышал* (маркер «+»). Вторая пара: «И очень *был обижен*» (маркер «–») – «И *жить мне легче стало*» (маркер «+»). Третья пара – «*Это слово меня возмущало*» (маркер «–») – «*Это слово меня не смущало*» (маркер «+»). Четвертая пара – «И *жить не давало*» (маркер «–») – «И *жить не мешало*» (маркер «+»). Важно, что в каждой из представленных пар аксиологических маркеров фиксируются позитивные изменения: а) восприятия мира в целом (вторая пара маркеров); б) общего психоэмоционального состояния (третья пара маркеров); в) когнитивно-ментального статуса (четвертая пара маркеров).

Особого внимания заслуживает первая пара аксиологических маркеров, а именно оппозиция глагольных кодов «слышал – не слышал». Содержание оценочного маркера «не слышал» в полном объеме раскрывается поэтом в четвертой строфе результативной зоны текста: «Вот и вся история, в общем-то. / Подождите, подождите, неужели вся? / И что, вас так ни разу больше и не называли рыжим?!» / Ну почему же не называли, называли, / Но мне это было очень приятно» [Там же]. Данный фрагмент текста в равной степени является частью как первого, так и второго результативного блока. Принципиально, что даже после нейтрализации когнитивного блока поэта неоднократно называли «рыжим», и он слышал это слово. Здесь глагольно-аксиологический код «не слышал» актуализируется И. Тальковым не в прямом, а в переносном смысле. «Не слышал» в данном контексте означает «слышал, но воспринимал иначе» (деструктивное восприятие нейтрализовано).

Четвертая строфа обладает двойственной семантикой. С одной стороны, в ней фиксируется факт полного разрушения КБ «Рыжий». С другой – утверждается факт нейтрализации (вытеснения) из сознания поэта самого источника стереотипизации (ПСВ-КПП). Исходя из этого, можно говорить о том, что этот фрагмент является первой частью *второго блока результативной зоны текста (нейтрализация источника когнитивной блокировки сознания (ПСВ-КПП))*.

Основным доказательством того, что поэт полностью освободил свое сознание не только от КБ, но и от ПСВ-КПП, является кардинальная смена режима восприятия слова (блока-стереотипа) «Рыжий». Так, «сталкиваясь» с ситуацией, когда кто-либо при обращении к нему адресно использует слово «рыжий», поэт по-прежнему продолжает ощущать то, что он особенный (не такой, как все). Однако то, что раньше было «недостатком» поэта, теперь становится знаком его исключительности. «Быть другим» (быть «рыжим») для И. Талькова теперь значит: быть самим собой («принять себя» и быть открытым миру-жизни); быть свободным и искренним; быть верным своей мечте; стремиться к самореализации и самосовершенствованию и т.д.

Итак, основной особенностью первой части *второго блока* результативной зоны текста является то, что И. Тальков, используя систему специфических концептуальных фраз, прямо не говорит о реализации процесса вытеснения источника когнитивной блокировки (ПСВ-КПП) из своего сознания. Он утверждает этот

факт через процесс нейтрализации КБ, что имеет принципиальное значение. Дело в том, что при нейтрализации КБ дистанция между блоком и источником его порождения исчезает. Поэтому программа (КПП) / программный стереотип (ПСВ) производит операцию автоматического замещения. На место нейтрализованного блока встает сама программа (если в сознание человека внедрен только один КБ).

Заняв его место, но не обеспечив себя должной защитой, сам ПСВ автоматически становится объектом нейтрализации. Именно поэтому в первой части второго блока результативной зоны текста процессы нейтрализации КБ и ПСВ-КПП практически неразличимы. Они слиты в единую операцию «освобождения» сознания объекта блокировки-стереотипизации (И. Талькова).

Во второй части второго блока результативной зоны текста поэт стремится дифференцировать, отделить эти процессы один от другого. Для этого он вводит в свой текст «временную дистанцию». При этом процесс нейтрализации КБ становится частью «прошлого» поэта, а операция вытеснения ПСВ-КПП из своего сознания – частью «настоящего». Введение временной дистанции позволяет И. Талькову особым образом сегментировать пространство второй части этого блока. **Пространство «прошлого» (нейтрализация КБ):** «Годы как безумные несутся / В пестрой суете сует, / И в тот мир далекий не вернуться / С высоты минувших лет, / И теперь тот конопатый, рыжий, маленький и носатый / В самых счастливых снах приходит ко мне» [Там же]. **Пространство «настоящего» (нейтрализация ПСВ-КПП):** «“Рыжий”, – снова я слышу / И во сне его зову и часто вижу. / “Рыжий”, – слышу я снова, / Но теперь для меня это слово – / Волшебное слово» [Там же].

Важно, что обе части текста имеют позитивный индекс результативности. Более того, «прошлое» и «настоящее» в сознании поэта полностью гармонизированы. Основным источником гармонизации становится факт реального завершения процесса нейтрализации ПСВ-КПП. Поэт не отрицает свое «прошлое», а стремится вернуться в него (хотя бы во сне). Сны, в которых он возвращается в свое детство и встречается с «конопатым, рыжим, маленьким и носатым» (с самим собой), поэт называет счастьем: «В самых счастливых снах приходит ко мне». В этом контексте слово «Рыжий», которое поэт теперь называет «волшебным», становится для И. Талькова синонимом слова «счастье» («счастливое воспоминание»). Каждое пережитое вновь счастливое воспоминание дает ему силы двигаться дальше.

Заключение

На основании сказанного выше можно сделать следующие выводы. Название композиции «Рыжий» – это концептуальная формула всего текста. Навязанный лирическому герою программный стереотип восприятия (ПСВ) деструктивен, но воспринимается им как свой истинный статус, что направляет самоидентификацию на ложный, симулятивный путь. Пытаясь защитить себя, герой защищает (воспроизводит) саму программу; направляя свое неприятие на КБ, он попадает в ловушку тотального отрицания, а значит, и самоотрицания.

Процесс определения внутренних механизмов преодоления когнитивной блокировки сознания основан на кардинальном переосмыслении специфики взаимодействия ПСВ-КПП и КБ. И. Тальков отказывается от навязанного ему программой принципа двойного (одновременного) противостояния. Для перекодировки защитного механизма программы он использует принцип «исключения-замещения доминирующего компонента» в КБ, роль которого выполняет «другой». И. Тальков совершает целый ряд волевых (внепрограммных) действий, которые позволяют ему провести операцию перекодировки защитного механизма программы и превратить его в новую самоидентификационную модель преодоления КБ. Место «другого» занимает стремящееся к самосовершенствованию «я», культивирующее занятия творчеством и спортом и находящее себя в этой независимой от КПП-ПСВ активности. Теперь самооценка личности не зависит от «другого» (носителя ПСВ) и от проекции мнения другого о себе («зеркальности») – самооценка строится исходя из собственной самосозидающей деятельности.

На этом фундаменте моделируется новый вариант самоидентификационной стратегии преодоления КБ, который можно назвать стратегией «принятия себя для себя». После «принятия себя» кардинально меняется когнитивно-ментальный статус поэта (нейтрализуется КБ «Рыжий»). Если раньше он был «изгоем», объектом насмешек со стороны носителей ПСВ, то теперь он стал «самым популярным в своем дворе», научился наслаждаться творчеством и спортом, открыл для себя красоту мира, о чем свидетельствует аксиологическая перемаркировка ключевых когнитивно-ментальных зон. Происходит и полная нейтрализация источника когнитивной блокировки сознания (ПСВ-КПП), о чем говорит кардинальная смена режима восприятия самого слова (блока-стереотипа) «рыжий»: оно теперь воспринимается как «волшебное» и становится одним из основных источников когнитивно-ментального роста поэта.

Перспективами дальнейшего исследования является построение эволюционной модели самоидентификации И. Талькова в рамках развития его КПП.

Источники | References

1. Алефиренко Н. Ф., Маслова Ю. В. Рок-поэтический текст как дискурс // Язык. Текст. Дискурс. 2014. № 12. Ч. 2. С. 24-30.
2. Гавриков В. А. Русская песенная поэзия как текст. Брянск: Брянское СРП ВОГ, 2011. 634 с.
3. Иванов Д. И. Ранняя самоидентификационная модель когнитивно-прагматической программы К. Кинчева: «Пророк героической квазирелигии» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 5. С. 1596-1601.

4. Иванов Д. И. Теория синтетической языковой личности: в 2-х т. Иваново: ПресСто, 2016. Т. 1. Логоцентрическая модель синтетической языковой личности: структура и общие вопросы (на материале русской рок-культуры). 360 с.
5. Иванов Д. И., Лакербай Д. Л. Когнитивная гуманитарная семиотика: в 2-х кн. Иваново: ПресСто, 2020. Кн. 2. Терминология. Аналитические портреты. 256 с.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд-е 7-е. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
8. Кнабе Г. С. Рок-музыка и рок-среда как формы контркультуры // Кнабе Г. С. Избранные труды. Теория и история культуры. М. - СПб.: Летний сад; РОССПЭН, 2006. С. 20-50.
9. Кормильцев И., Сурова О. Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь: ТвГУ, 1998. С. 5-39.
10. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6-17.
11. Лозинская Е. В. Когнитивное литературоведение: авторы, методы, перспективы // Человек: образ и сущность. 2010. № 1. С. 192-226.
12. Свиридов С. В. Рок-искусство и проблема синтетического текста // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь: ТвГУ, 2002. Вып 6. С. 5-32.
13. Тальков И. В. Монолог: стихи, воспоминания, дневники. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 416 с.
14. Щирова И. А., Гончарова Е. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: учебное пособие. СПб.: Книжный Дом, 2007. 472 с.

Информация об авторах | Author information

RU

Иванов Дмитрий Игоревич¹, к. филол. н., доц.
Дэн Ин², к. филол. н., проф.

^{1,2} Сианьский университет иностранных языков, Китайская Народная Республика

EN

Ivanov Dmitry Igorevich¹, PhD
Deng Ying², PhD

^{1,2} Xi'an International Studies University, The People's Republic of China

¹ ivan610@yandex.ru, ² 13571832591@163.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 05.07.2021; опубликовано (published): 15.09.2021.

Ключевые слова (keywords): когнитивно-прагматическая программа (КПП); когнитивный блок (КБ); программный стереотип восприятия (ПСВ); конструктивный/деструктивный статус; самоидентификация; cognitive-pragmatic program; cognitive block; programmed stereotyped perception; constructive/destructive status; self-identification.